

О ЛИТЕРАТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ ДЕЛОВЫХ ГРАМОТ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Изучение эпистолярной культуры Древней Руси в отечественной медиевистике является актуальной проблемой, поднимавшейся неоднократно в ряде работ современных исследователей.

Наше внимание направлено на рассмотрение эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича как феномена русской литературы второй половины 17 века, характеристики художественной природы писем царя и в итоге определения его места в эпистолярной традиции Древней Руси.

Послания составляют основной фонд литературного наследия царя и охватывают 30-летний период его жизни. Из дошедших до нас посланий Алексея Михайловича самые ранние (три письма к А. И. Матюшкину в издании П. Бартенева 1856 г.) датированы 1646 годом. Последнее письмо написано за год до смерти. Таким образом, эпистолярное наследие царя огромно и разнообразно. Из имеющихся описей бумаг приказа Тайных Дел 1676, 1713 гг. можно выделить несколько групп посланий и грамот («чернений государевой руки») царя, объединенных тематически.

Первая группа писем носит сугубо деловой характер и затрагивает вопросы хозяйственно-экономической, государственной деятельности монарха. Другую группу составляют послания, адресованные близким и родным. Послания этой группы написаны в форме дружеского письма, вошедшего в русскую литературу в 15–16 вв. и впоследствии ставшего популярным. И третья группа – это собственно литературные послания. Тематика их разнообразна, но письма этой группы выделяет из всего эпистолярного наследия царя их особая художественная форма, приближенность к литературному жанру повести, бытование в списках.

Также довольно часто встречаются образцы посланий смешанного характера, объединяющие в себе признаки нескольких разновидностей эпистолярного жанра.

Основанный по личной инициативе Алексея Михайловича в 1654 г. приказ Тайных Дел вскоре превратился в его личную канцелярию, ведавшую всеми делами государя. Алексей Михайлович внимательно следил как за делопроизводством приказа, так и за ведением бумаг. Неоднократно царь перечитывал дела приказа, зачеркивал с его точки зрения лишние слова, фразы, собственноручно вносил изменения в текст уже готовой грамоты.

В стилистическом плане грамоты, написанные Алексеем Михайловичем или при его участии, в общих чертах сохраняют правила состав-

ления документа, установленные еще в более ранние периоды. Им присущи простота изложения, использование канцеляризмов, безыскусность речи. По установившейся традиции подобные бумаги начинались с подробного пересказа («слово в слово») предшествующего послания. Традиция эта существовала уже в 16 столетии. Ей следовали при составлении различного рода дипломатических посланий и грамот дьяки Ивана Грозного.

Этой же традиции в делопроизводстве придерживался и Алексей Михайлович. Впоследствии эта практика распространилась и в частной переписке царя. «Да отпиши ко мне обо всем», «против сей нашей грамоты подлинно про все статья против статьи, и не оставить ни одной строки против которой к нам не отписать».

Приведенные примеры из переписки царя с А.И. Матюшкиным свидетельствуют о знании и владении царем жанровыми, стилистическими канонами, существовавшими в деловой книжности. Однако, как следует из тех же примеров, Алексей Михайлович не воспринимал нормы письма, закрепленные ранее в особых книгах-письмовниках как застывшие и не поддающиеся изменению. Алексей Михайлович часто в своих посланиях использует элементы разговорной, живой речи, высказывает собственное мнение о происходящем. В результате всех этих нюансов грамота, первоначально рассчитанная на сообщение только деловой информации, приобретает черты дружеского или литературного послания. В таких посланиях автор уже стремится к показу характеров героев, пытается создать их портрет, высказать свое отношение к ним.

Так, например, в грамоте, адресованной к боярину Ф.Б. Долматову-Карпову, царь благодарит Долматова за службу, ставит в заслугу боярину удачно проведенные переговоры с поляками об избрании царя на Польский престол. Письмо начинается в официальном тоне, приводятся полные титулы царя, царевича, патриарха Никона. Все стилистические особенности грамоты говорят о ее государственном статусе и значении. «Милостивое слово», обращенное к адресату, – это, прежде всего, милость великого князя, «Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца».

Однако заканчивается письмо собственноручной припиской царя, где Алексей Михайлович благодарит Долматова, но уже в более отеческом, дружеском тоне. «Хотя все тебя позабыли, мы, государь, за твою работу прежнюю к нам и нынешнюю не позабыли, за милостию Божиею и впредь не покинем».

Не менее известна и другая грамота царя к князю А.Н. Трубецкому, также как и предыдущая написанная одновременно языком деловой книжности и разговорным. Царь, находясь в Польском походе, описывает ход военной кампании, свои стратегические действия. Здесь же Алексей Михайлович жалуется на свое положение – полное одиночество в окружении лицемерных бояр, ищет у своего адресата слов поддержки и утешения. «А у нас едут с нами не единомушием, наипаче

двоедушием, как есть оболочка (облака – А.Ш.), овогда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, овогда же зноем и яростью и ненастьем». Созданный автором собирательный портрет бояр имеет все признаки художественного, литературного изображения. Развернутая метафора привносит в грамоту беллетристическое начало.

Надо сказать, что отмеченные особенности характерны не только для деловых грамот царя Алексея Михайловича. В многочисленных челобитных, направленных просителями в приказ Тайных Дел, обнаруживаются стилистические нарушения норм деловой письменности. В итоге, «Алексей Михайлович читал доклады, по форме более похожие на приватные письма, чем на официальные бумаги» (Сорокин Ю.А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С.80). Даже проводимая царем литературная правка бумаг своего приказа не всегда была способна придать документу необходимую форму. В этом нас убеждают грамоты, написанные самим Алексеем Михайловичем. Как мы уже видели, царь свободно в пределах одного письма мог переходить от официальных тем к дружеским. Причины такого варьирования стилистических пластов, приводящие в итоге к нарушению жанровых канонов, кроются, надо полагать, в свойствах характера самой личности царя. Официальные грамоты позволяют нам увидеть в них не столько искусственного автора, писателя, ведущего со своим адресатом литературную игру, как, например, в посланиях Грозного, сколько индивидуальность самого монарха. Когда мы читаем грамоты, адресованные боярам, перед нами встает образ царя, для которого сохранение мира и любви в человеческих отношениях более всего ценно и важно.

В дипломатической переписке царя с европейскими дворами можно увидеть в образе Алексея Михайловича, по оценке историков, первый в русской истории образец тактичного и гуманного царя. «В отличие от своих предшественников на троне, которые даже в официальных посланиях не стеснялись в выражениях, он не допускал такой разнузданности, уважал «равных себе правами вешеносце» (Сорокин Ю.А. Указ. соч. С.81).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Многочисленные грамоты официального содержания, вышедшие из приказа Тайных Дел или исходившие от самого царя, продолжают развитие эпистолярного жанра в рамках, установленных в более ранние периоды его формирования. Одновременно происходит и обратный процесс: постепенное расширение возможностей эпистолярного жанра, его деловой разновидности. В результате происходит утрата в официальном послании его безличности, шаблонности, и на первый план выступает личность автора, приближая это послание к разряду дружеского и литературного.